

АНАСТАСИЯ МАЛЫГАВКО

Родилась в 1993 году. Живёт в Омске. Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «Таряне».

ЗАБЫТЫЕ В ГЛУШИ

Деревни умирают. Каждая перепись выявляет всё новые и новые места «без постоянного населения». Кто-то бежит, но кто-то нет. Почему люди остаются там, откуда многие уезжают? И чем привлекательна жизнь в забытых и заброшенных сёлах? Чтобы найти ответы на эти вопросы, мы отправились в две далёкие таёжные деревни на севере Омской области.

Копай

По воде

— Вон, весло вчера о льдину сломала, — стразы на нарощенных ресницах, большеватая фуфайка, протёртая в нескольких местах, шапка с помпоном. Ане за тридцать. Худощавая, улыбчивая, ругается матом. Нас познакомила переправа в начале ноября. После сильных морозов по реке пошли льдины. Снег сыпал с самого утра, так что к обеду острова на воде превратились в

сугробы. Наперерез опасности плыли и мы. На металлической лодочке, впятером.

Избушки на том берегу называют посёлком Копай. Две полупустые улицы, сорок заиртышных жителей. У каждой семьи своя лодка. А машины, напротив, большая редкость. От Тары, районного центра, копейцев отделяет полноводная сибирская река или тридцать километров жуткого бездорожья. Так что за покупками проще вплавь. А во время весенне-осеннего ледохода жители Заиртышья и вовсе отрезаны от мира: дети не ходят в школу, продуктами запасаются впрок, да и работу можно прогулять.

Социолог Артемий Позаненко исследует труднодоступные сёла более десяти лет. По его классификации пространственной изоляции Копай можно назвать слабо удалённым. Ведь суммарно только месяц в году люди там полностью отрезаны от мира, в остальное время как-то справляются. Учёный отмечает, что чаще всего изоляция односторонняя. Это нам, приезжающим издалека, сложно добраться на тот берег. Местные же давно привыкли, завели подходящую технику. Для них река – скорее защита, такой исторический ров, как у предков, который не пускает к ним чужаков.

Мах, мах, мах... Одно весло у Ани, другое – у Сергея. К середине реки на румяных лицах проступила испарина. Ворочать воду тяжело. Рядом со мной сидит Саша. Жена Сергея и сестра Ани. Красивая, молодая, черноглазая. Саша и Сергей плывут в деревню за Рексом. Рыжий пёс охраняет их брошенный дом. Когда родились мальчики один за другим, плавать стало тяжело, да и грязно. Купили жильё в Таре на материнский капитал и уехали. Свой дом оставили, никто не купит.

От воды тянет холодом. Выпадешь из лодки или ударишь судно о льдину и перевернёшься – утонешь. За бортом градуса 2-3. Повсюду «сало», так называют пористые желтоватые пятна на воде наши попутчики. Эти плавучие снежные лужи хоть и толстые,

но довольно мягкие, весло пропарывает их насквозь.

Копая около ста лет. Первыми поселенцами здесь были рыбаки и бакенщики. Жили в землянках или деревянных избах. Тогда свет в селе был только зимой: по льду ставили столбы и натягивали провода. До 90-х годов работу копейцам давал Тарский порт. Каждое утро их забирал катерок, а вечером привозил обратно. В 70-е на правом берегу реки открыли городской пляж. Тогда паром стал возить отдыхающих. В 90-е судоходство стало невыгодным, и порт сократили. Работы не стало, как и катерка. И пляж закрыли.

По словам Артемия Позаненко, с распадом СССР в похожей ситуации оказались многие сёла. Не стало ведомственного транспорта, перестала летать малая авиация, сократили водный транспорт. И несколько десятков тысяч людей остались забытыми в глуши, глубоко в тайге. Государство ушло из этих мест, а жители почувствовали себя свободными. Охота, рыбалка, дрова – они присвоили себе леса, озёра и реки. Все природные богатства под боком, бери сколько хочешь.

В Тарском архиве на вопросы об истории Копая только пожимают плечами. Говорят, что приходили к ним и местные жители, хотели узнать свои корни. Но ни похозяйственных книг, что ведутся обычно в деревнях, ни исторических упоминаний... Ничего. В паспортном столе жителей Заиртышья прописывают в Таре. Вот и получается, что по бумагам это часть города, а на деле несколько забытых за рекой улиц.

На причале нас встретили Никита и Соня, старшие дети Ани. Высокий илистый берег замело снегом, ребята катаются с него на ледянке. Два дня назад Аня ещё возила их в школу на лодке, но теперь слишком опасно. Серенький неприглядный домишка первым виднеется с берега. Здесь вырос Алексей, муж Ани. Волковы – копейцы потомственные. Здесь похоронены их деды, выросли родители, а в 2011 году в родной дом Алексей привёл и свою жену.

Стоял жаркий день. 18-летний тракторист Лёша скучал на летней подработке в Таре. Грузил стройматериалы у магазинчика. А мимо на высоких шпильках дефилировала длинноногая шатенка в коротеньком сарафане в цветочек. Догнал, номерок записал. А через год увёз на лодке в Копай. В то лето 2010-го Аня подрабатывала на ферме в родной деревне Ложниково, убирала за скотиной. В город поехала за новыми джинсами, а встретила будущего мужа.

По льду

Дверь в дом занавешена тёплым одеялом. Не пускает холод с улицы. С покосившейся стены у входа смотрит облупившийся тигр. Эти фотообои наклеила Аня в 2011-м, когда переехала сюда жить. Вокруг выключателя напротив двери почерневшая известь. Пока семья гостила у родителей в выходные, замкнуло провода и загорелась часть стены. Домой к Волковым мы пришли в декабре по зимнику. Две недели в Копай было не попасть. Но теперь лёд окреп, и «дорога жизни» заработала.

На Заиртышных улицах тишина. Мы не встретили ни одного человека, зато увидели стадо овец. Они вольно разгуливали по берегу и с любопытством подглядывали за нами. Скотина здесь бродит сама по себе. И это одна из причин, почему люди не уезжают. Утром из дома выгнал, вечером запустил. Вокруг поля, ходи да жуи. Хозяевам хлопот меньше. В ноябре у дома Сиюткиных слонялся откормленный боров. В этот раз свинку мы не встретили. Наверное, приговорили в первый мороз.

Волковы живут в доме родителей. Деревянный, стоит здесь больше полувека. Две большие комнаты, между ними русская печь. На ней еду готовят, от неё и согреваются. В большой комнате спят все впятером: двое взрослых и трое малышей. Пахнет свежестью. Повсюду сушится детское бельё. На верёвках в спальне, на печке, на улице. Вчера была большая стирка. Аня натопила баню и натаскала воды с проруби. Водопровода в селе нет.

И дом, и баню топят дровами. Зимы в Сибири крепкие, только успевай подкидывать. Дом Волковых стоит на окраине, за огородом – поле, за ним лес. Поехал, насобирали телегу, дома пилишь да в печь закидываешь. Одна из причин, почему Волковы не уезжают. В городе, за рекой, машина неколотых чурок стоит около 15 тысяч рублей.

Медицина, образование и работа. Три основные проблемы жителей труднодоступных сёл. Так утверждает социолог Артемий Позаненко. И если учатся местные дети в городе, а взрослые там работают, то с неотложной помощью – беда.

– В Копай не поедем, – ответил монотонный голос на том конце. Зимой 12-го у Ани тянуло поясницу. 9-й месяц беременности. Позвонили в скорую, ехать отказались. Собрала вещи, пошла пешком. Через речку, потом в горку пару километров. Доплелась наперевес с большим животом, да и родила. Малютку Соню двух с половиной килограммов.

Алексея дома нет. Ремонтирует машину. В конце ноября он приехал с вахты на новеньких «жигулях». Аня покупкой очень гордится. Ну как новых – 2010-го года выпуска. А после поездки к родственникам в соседнее село по непролазным сугробам полетела ходовка. «Повыпендриваться решил», – с улыбкой признаётся Аня. Пока ехали к свёкру, сильно занесло. Застряжи в снегу так, что пару часов выкапывали.

Уже десять лет Алексей работает вахтовым методом. Полгода дома, вторую половину – в Омске. Отучился на крановщика и устроился в Омский порт. Навигация на Иртыше сезонная, так что шесть тёплых месяцев Алексей живёт в каюте сплавного крана. За рабочую вахту получает 35 тысяч рублей. А Аня на хозяйстве: огород, печка, кролики, куры и корова у свекрови. Детей в школу возит на лодке, гребёт сама. Так живут многие семьи в далёкой провинции. На месте платят мало, вот мужчины и уезжают «за длинным рублём». А домашние хлопоты ложатся на женские плечи.

Почему люди не переезжают из умирающих сёл? «Причины внутри человека», – считает психолог Наталья Батурина. У сельских жителей особая психология, они чувствуют себя частью места и сообщества. И, переехав в город, боятся потерять эту связь. Город несёт много опасностей, там всё ново и непонятно. Родная деревня, близость природы и привычный жизненный уклад дают им уверенность и защищённость. Это, конечно, о думающей части населения. Многие же просто идут по накатанной, не видят перспектив и вопросов о смысле жизни себе даже не ставят.

«Спокойно, тихо, чужих нет». Если исключить практические соображения, то ответы местных жителей будут такими. Дома в Копае никто не замыкает. Воровать друг у друга не принято. Это такая маленькая закрытая коммуна, где все друг друга знают и, когда нужно, помогают.

Алексей в Копае вырос. О переезде не думает. Здесь ему спокойно и всё понятно. За десять лет и Аня полюбила это место. Главное, что детям здесь хорошо, свежий воздух, раздолье. В городе нужно искать работу, устраивать младшего в сад. А это деньги. Ещё и по телевизору слышала, что в городах детей воруют. Одних гулять не отпустишь. В Копае же они лазают по сугробам и бегают без взрослых. Соседи всегда присмотрят. Аня мечтает съездить всей семьёй в путешествие на её малую родину. Там же летом они хотят сыграть свадьбу.

Копай за рекой. До города пятнадцать минут. Сорок человек. Не самое глухое и пустое место. Пока. Чтобы лучше понять, почему люди не уезжают из забытых деревень, мы отправились в Пихтовое. Посёлок, где осталось три последних жителя. По классификации Артемия Позаненко, это село имеет значительную степень изоляции.

Пихтовое

По грязи

Огромные колёса ныряют в глубокие лужи. Месят вязкую жижу, но тянут. Лобовое стекло забрызгала глина. За рулём самодельного болотохода крепкий темно-волосый мужчина. Жара. На потолке висит вентилятор, отгоняет насекомых. Кузов кулибин из соседнего села сварил из плотного металла. Крепкий, но на кочках можно здорово удариться. Сзади, крепко вцепившись в поручни, стоит седовласая женщина. Это Галина Ермолова – таёжный почтальон на болотоходе. Рядом с ней лежит коробка с почтой и пенсиями, свежие газеты и пакеты с продуктами.

Галина Александровна не просто почтальон. Трём последним жителям посёлка Пихтовое она возит посылки, пенсии, газеты, свежие новости, продукты и необходимые вещи. Сегодня это единственная ниточка, что связывает таёжное село с большой землёй. Попасть в «медвежий угол» непросто, да и выбраться тоже. Раньше муж возил Галину на тракторе, теперь на самодельном болотоходе. Сын подарил. Непроходимые 15 километров трактор ехал три часа, новый транспорт в два раза быстрее, да и удобнее.

Пихтовое спрятано глубоко в тайге. Отрезано от мира болотами и густым лесом. Здесь нет сотовой связи и интернета. В 1949-м году здесь открыли лесопункт. На заготовки в основном отправляли ссыльных. Собрали домики из бруса, каждый на две семьи. В них жили лесники. Они привозили жён, те рожали детей, и село росло. В 1980-е здесь насчитывалось 579 человек. Работал детский сад и школа, библиотека и клуб, магазины, почта и ФАП. В 90-е лесопункт закрыли. И к зиме 2021-го здесь осталось четыре человека.

Галина Александровна в Пихтовое попала в 1982 году. Как раз в самый расцвет посёлка. Окончила педагогическое в Таре, по распределению отправили сюда. Учителем на годик в местную школу. Но из Пихтового она так и не уехала. Вышла замуж

за лесника Павла Ермолова, пошли дети. После школы она долгое время работала в детском саду. Пока его не закрыли. Потом в библиотеке. Закрыли. Потом в магазине. Село сокращалось. Приходилось подстраиваться и учиться новым профессиям. Теперь она почтальон.

В России около 35 тысяч деревень, где живёт менее 10 человек, ещё 19 тысяч сёл и вовсе опустело. Об этом говорят данные переписи 2010 года. Почему так происходит? «Государство не хочет тратить ресурсы на оснащение мелких сёл, проще работать с крупными», – говорит Ксения Аверкиева, сотрудник института географии Российской академии наук. Малые деревни отрезают от ресурсов, не проводят газ, не чистят дороги, закрывают школы, садики, ФАПы. Жить там становится неудобно. Всё стягивается к центру. Уезжают семьи с детьми, потом, кто может, забирают пенсионеров.

Пихтовое стоит в хвое. Лиственница, кедр, ёлки. Этот лес богат природными ресурсами. Его ценят строители, из него рубят дома, бани, используют в производстве мебели. Леспромхоз давно закрылся, но ценные породы продолжают покидать тайгу. Теперь это делают частники: завозят и селят лесорубов в передвижных вагончиках и по зимнику возят дерево. Тяжёлая техника ходит мимо Пихтового и расчищает дорогу последним жителям.

Вокруг села, куда ни посмотри, густой дремучий лес. Галина Александровна этих дебрей побаивается. Тёмный, дикие звери водятся. Но в тайге полно ценных съедобных даров. Кедровые орехи, таёжная ягода, грибы. Так что тихонько, краешком, за вкусными сокровищами женщина всё же навдывается. Кедровые шишки они с мужем продают, мешок – 2500 рублей. Грибы и ягоды для себя, детей и внуков. Вареньями и соленьями зимой лакомятся вся семья.

Последней закрыли школу в 2009-м. После этого село опустело, как после ядерного взрыва. Люди бросали дома и уезжали. Кто-то в село покрупнее, кто-то в город. А закрыли, потому что стало невыгодно.

Так решила комиссия из Тары. Учителей на тот момент числилось больше, чем учеников. Часто закрытие школы – это точка невозврата, без неё остаётся только старикам доживать. Молодые бегут. Такую закономерность отмечает исследователь Ксения Аверкиева.

Сердце сжималось от тоски. В окно Галина видела, как уезжают односельчане. Соседи, друзья, дети. Сегодня она единственная женщина в селе. Муж пропадает в лесу днями и ночами. Внуки приезжают погостить, но редко, у них школа. Одиноко. Спасают поездки за почтой два раза в неделю, домашний телефон и телевизор...

По снегу

Ночь. Дома холодно и темно. Мёртвая тишина. Галина одна, муж на стройке. Вдруг собаки начинают истошно лаять и выть. Не унимались до самого утра. Хозяйка глаз так и не сомкнула. Жутко страшно. «Наверное, медведи», – думала она. Эта осень была голодной, и хищники иногда навдывались в посёлок. Обьедали ягоду, искали пищу. Здоровые кучи медвежьего помёта Павел Владимирович то и дело находил на соседнем перекрёстке. А чуть позже заметил и следы трёх медведей в своём огороде: мамы и двух медвежат.

До поворота на Пихтовое 100 километров по широкой белой дороге в лесу. Летом здесь вязнут «Уралы», но зима всё припрятала. Что будет дальше, неясно. Накануне выпало много снега. Деревья облепило, а узенькую дорожку среди них запорошило пушистым свежим слоем. Чистила ли техника в этом году? Проедем или застрянем? В начале зимы в 10 утра только светает. В темноте еле-еле разглядели странный узкий след. Кажется, вечером здесь кто-то был. Попробуем доехать.

К счастью, прошли мягонько. По пути встретили новый заводской болотоход. Вот кто оставил те загадочные следы. Это с охоты возвращается бывший омский предприниматель. Сейчас он на пенсии. Через Пихтовое он обычно уезжает ещё дальше,

в Томскую область. Там он отдыхает от городского шума. А на обратной дороге скупает шкурки у Павла.

Павел Владимирович, муж Галины, всю жизнь проработал в леспромхозе. Сначала лесником, потом инспектором. А в начале года сократили, теперь безработный. Но главное его увлечение – это охота. Пихтовский лес он знает хорошо. Неподалёку от дома, в тайге, у него раскидано семь охотничьих домиков. Достались по наследству. Каждый, кто уехал насовсем, передал угодя Павлу. Здесь он словно хозяин тайги. объезжает участки, ставит капканы и собирает сибирскую добычу. Поэтому и не уезжают из Пихтового.

Пушнина и мясо дичи – главные таёжные богатства. Баргузинский соболь носит самую дорогую шубку в мире. Вокруг Пихтового этого шустрого зверька много. Целая выделанная шкурка сибирского соболя стоит, по словам Павла, 4000 рублей. Цена зависит от доллара. Водятся в лесу и лоси, и медведи. Убить первого мечтает каждый охотник. Здоровая туша, вкусное мясо. Всю зиму можно есть. Встретить же медведя страшно. Домой можно уже не вернуться. Но если в схватке победит охотник, сможет его продать по частям. Желчный пузырь и лапы хозяина тайги, например, скупают китайцы. Но без лицензии зверей убивать нельзя.

Охотники в изолированных сёлах чувствуют себя намного вольготнее. К ним практически не приезжают контролирующие инстанции. Они убивают зверей, чтобы выжить. А лес вокруг считают своим. Такое наблюдение сделал Артемий Позаненко, когда исследовал охоту в удалённых сёлах. По его мнению, это одна из причин, почему люди продолжают там жить.

В Пихтовом осталось домов десять, жилых только три. Повсюду заснеженные плещи, хозяева забрали срубы с собой. У дома Ермоловых как в музее ездового транспорта: болотоход, снегоход, мотособака, трактор. Чуть дальше танкетка на гусеницах. Под крышей суетятся двое: Павел с соседом Владимиром Негодаевым. Который день

нет света. Завели генератор, но телевизор не работает. Прощупали провода, покрутили тарелку и так, и этак – сигнала нет. Без телевизора совсем тоска, единственное развлечение. Пошёл Негодаев искать помехи по селу...

Четвёртый нынешний житель Пихтового – Белявский. Из дома выходит редко, больше лежит. Два года назад резко поплохело. Весна, реки вышли из берегов, до Пихтового только вплавь. Скорая не доедет. Павел погрузил товарища на болотоход, взял лодку. Часть пути проехали, дальше гребли. У поворота ждала неотложка, забрали с микроинсультом. Теперь восстанавливается. Нашел работёнку в селе: топит водонапорную башню. Дело ответственное: если вовремя не подкинуть дров, вода застынет. А платят копейки – 1200 рублей в месяц.

На эти деньги и существует. Ест картошку с огорода. Несколько раз пытались оформить пенсию по инвалидности, но Белявский потерял трудовую. На этом пока дело и встало. Хорошо, выручает Негодаев. На болотоходе едут за пенсией с Павлом, и на свои 14 тысяч покупает продукты для двоих. Вот так и живут, а скорее выживают...

***

Ночь. Середина декабря. Ермоловы не спят. Волнуются. Утром придёт «газель», заберёт Галину в город. В кузов они погрузят корову, двух бычков, нетель (молодая корова, которая не рожала) и трёх телят. Все они поедут на новое место. В Чекрышево, пригород Тары. За лето Павел вместе с сыном поставили там дом. Галина Александровна настояла. Жить в Пихтовом стало невыносимо, страшно, тоскливо и холодно. Дом прогнил.

Теперь она живёт на той же улице, где и дети. Водится с внуками. Главную стену нового дома украшают огромные фотообои с медведями. Тайга в сердце навсегда. Павел Владимирович зимовать планирует в Пихтовом, до конца сезона охоты. А дальше видно будет...